
ЭПИЧЕСКИЙ ЦИКЛ О ЧИНГИЗ-ХАНЕ В ТРУДЕ ХЕТУМА ПАТМИЧА

ГОАР КАРАГЕЗЯН

В истории французско-армянских литературных связей известны многочисленные примеры, когда создателями духовных и художественных ценностей французского народа были армяне, писавшие на французском языке. Эта традиция, продолжающаяся и в наши дни, уходит корнями в средневековье и неотделима от имени Хетума Патмича и его всемирно известного как современникам, так и последующим поколениям труда “La Flor des Estoires de la Terre d’Orient”¹ – “первой французской книги, являющейся плодом мысли Армянина”².

“La Flor ...” Хетума, написанная на старофранцузском и латинском языках в 1307 г. по поручению папы Клементя V, состоит из четырех книг. Все они системно взаимообусловлены и взаимозависимы. Если первая книга знакомит читателя со странами Востока, в том числе и с Арменией, то вторая книга представляет собой экскурс в историю Востока, покоренного персами, арабами и турками, поработившими многие страны христианского Востока и представляющими реальную угрозу Европе. В третьей книге он знакомит европейцев с неизвестным племенем татарским, “народом стрелков”, подчинившим многие страны Востока, знакомит с историей этого народа, его национальными особенностями, убеждает на примере армяно-татарских отношений в возможности сближения с этим народом, его христианизации и использования в борьбе с сарацинами. Освобождению “Святой земли” и всего восточного христианского мира от “неверных” посвящена четвертая книга, подробно излагающая программу организации крестового похода в союзе с татарами и армянами.

В третьей, наиболее обширной книге труда Хетума, представляющей собой двуединство мифа и истории, освещается жизнь и деяния первого монгольского хана – Чингиза.

Хетум начинает свое повествование о монголах с далекого прошлого, являющегося прелюдией к современности. Историк отсылает читателя ко временам, когда народ, о котором он собирается рассказать, жил “по ту сторону

---

¹ H a y t o n. La Flor des Estoires de la Terre d’Orient.– Recueil des Historiens des Croisades. T. 2, Paris. 1906.

² Տ ր . Տ Է Յ Պ Ի . Հ Է թ ու մ Պ ա տ մ ի չ ՚ «Օստիկ պատմութեանց արեւելեան աշխարհին» գրքին հեղինակը.– Անահիտ, 1938, № 4-5, էջ 7:

высокой горы Belgian³ многочисленными племенами, подобно диким зверям, без веры и закона”. Среди них семь племен считались благородного происхождения. И случилось так, что одному бедному кузнецу (*home fevre*) по имени Чингиз (*Changuis*) во сне явился вооруженный всадник на белом коне, который окликнул его по имени и произнес: “Чингиз, воля всевышнего следующая: ты станешь правителем и синьором семи племен Татар, которых называют Монголами и благодаря тебе они освободятся от зависимости, в которой пребывали долгое время...”⁴ Проснувшись, Чингиз рассказал о своем видении. Ему не поверили⁵. И только, когда тот же всадник явился во сне к вождям семи племен и приказал подчиниться Чингизу, все признали в нем божьего избранника. Тогда расстелили они черный фетр. Главари семи племен подняли Чингиза, посадили в центр фетра и провозгласили ханом. Хетум пишет, что он сам два раза был свидетелем аналогичной церемонии избрания императора.

Итак, согласно преданию, Чингиз первоначально был кузнецом. Это отмечает не только Хетум. Упоминание о его причастности к кузнечному делу встречаем и у Гийома Рубрука⁶. В 18 главе книги “Путешествие в восточные земли” Рубрук приводит текст грамоты, посланной Мангу-ханом французскому королю Людовику IX: “Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингисхан, сын Божий, Демугин Хингей (“т. е. звон железа”). Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом, а вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим”⁷.

---

³ Келер, критический издатель “*Flor...*”, отождествляет гору Belgian с *Baldjouna* или *Diloun-Bouldac*, имеющей также название *Kentai*. Речь идет о нагорье Хангай, расположенном в центральной части современной Монгольской народной республики (*Recueil...*, с. 148).

⁴ *Recueil...*, с.148.

⁵ Аналогичную легенду, связанную с избранием Темучина Великим ханом, приводит Н. М. Карамзин: “В то время, как многочисленное войско Монгольское, расположенное в девяти станах близ источников реки Амура, под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного Монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святой пустынный, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что Бог отдает Темучину всю землю, и что сей Владетель мира должен впредь именоваться Чингисханом или Великим ханом” (Н. М. Карамзин. История государства Российского. Кн. I, т. III, М., 1988, гл. VIII, с. 136).

⁶ В примечаниях к “Путешествию...” Гийома Рубрука Н. Шастина, ссылаясь на книгу P. Pelliot et L. Hambis. *Les campagnes de Chingis-chan*. Paris, 1953, с. 9, пишет, что основанием для легенды о том, что Чингиз был кузнецом, послужило, по видимому, его собственное имя Темучин, которое является производным от *tomur*, что значит железо.

⁷ П л а н о К а р п и н и. История монгалов. Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с.180.

Таким образом, традиции было угодно сделать Чингиза кузнецом. В этом традиционном качестве он фигурирует и у арабского путешественника Ибн-Батута, и у Георгия Пахимора, и в “*Storie Florentine*” Джованни Виллани, который не скрывал, что черпал информацию из книги Хетума⁸.

Отголоски предания о кузнечном деле находим в “Сборнике летописей” (Джами ат-таварих) Рашид-ад-Дина, официального историка монгольских ильханов, занимавшего руководящий государственный пост, а затем и должность везира при монгольском хане Газане. “Сборник летописей” – единственный исторический источник по всеобщей истории и, в частности, по истории монголов, написанный на основе монгольских источников и в их традиции.

Рашид-ад-Дин зарегистрировал в своем труде любопытную историю, связанную с высвобождением монголов из горного прохода и выходом в степь⁹.

Генеалогический миф, переданный Рашид-ад-Дином, повествует о происхождении монголов от двух родоначальников – Нукуза и Кияна, скрывшихся со своими женами от врагов в недоступном урочище Эргунекун. Разросшееся племя вышло из теснины, расплавив содержащий руду горный криж¹⁰. На основе сказаний подобного рода и сложились фольклорные сюжеты¹¹, в которых Чингиз выступает как культурный герой –покровитель кузнечного дела.

Мы не случайно обратились к истории Рашид-ад-Дина, ибо он, используя при составлении летописного свода письменные источники – Махмуда Кашгарского, Джувеини (“Тарих-и-джехан гушай” – “История миропокорителя” – около 1260 г.), сохранившиеся в архиве ильханов части истории Алтан дептер (“Золотая книга”) – официальную историю Чингиз-хана, его предков и преемников, на монгольском языке, а также, ценную информацию из первых рук (Пулад Чжен-Сян, Газан-хан), как никто другой вплотную подошел к истокам фольклорно-мифологических традиций монголов.

Создавая цикл о Чингиз-хане – эту своеобразную Чингизиаду, Рашид-ад-Дин сохранил для потомков самобытную историю жизни основателя монгольской империи XIII в. Рашид-ад-Диновская Чингизиада лишней раз подтверждает точку зрения Арнольда Тойнби относительно места рождения и развития эпоса. А. Тойнби разделяет точку зрения “видного авторитета” Б.

---

⁸ Denis Sinor. Le reel et l'Imaginaire dans la description des Mongols dans la “*Flor des Estoires de la Terre d'Orient*” de Hayton. - In.: Les Lusignans et l'oultre mer. Actes du Colloque. Poitiers-Lusignan 20-24 octobre 1993, p. 279.

⁹ Рашид-ад-Дин, с. 155.

¹⁰ С. Ю. Неключев. Монгольских народов мифология. – Мифы народов мира (далее – МНМ), т. II, с. 171.

¹¹ О названии горы Деш (наковальня) в окрестностях Новоселенгинска существует следующая легенда: “Здесь Чингис-хан ковал железо, стоя одной ногой на правом, другой –на левом берегу Чикай, закаливал в ней свои изделия”. Н. Л. Жуковская. Чингисхан. – МНМ, т. II, с. 629.

С. Филпотса, сформулировавшего закон, согласно которому “драма развивается в родной стране, эпос – среди мигрирующих народов”¹². “Это объясняет, – пишет А. Тойнби, – почему эллинский эпос получил развитие в заморской Ионии, а не на европейском греческом полуострове; тевтонский эпос – на острове Британия, а не на Европейском континенте; а скандинавская сага – на острове Исландия, а не – наподобие скандинавской драмы – в Дании или Швеции”¹³.

Эпический цикл о Чингиз-хане, заключенный не только в “Истории” Рашид-ад-Дина, но, отчасти, и в “Татарской хронике” Хетума, основывался на отдельных сказаниях о жизни и деяниях этого монгольского хана, циркулирующих в государстве Хулагуидов¹⁴ (1256 г. – середина XIV в.), охватывающем Ближний и Средний Восток, включая и Армению (Киликия же была вассалом и данником Хулагуидов). Рашид-ад-Дин сообщает о ветвях монгольских племен, поселившихся в улусе Хулагуидов, вместе с их эмирами. “Эти данные, – пишет И. П. Петрушевский, – позволяют исследователям сделать вывод о значительном числе монголов, поселившихся в Иране и сопредельных странах... Старшие сыновья [Чингиз-хана] Джучи и Чагатай, получили 4000 воинов... в 50-х годах XIII века, по приказу великого хана Менгучаана, все улусные ханы и их вассалы должны были выделить из своих ополчений от каждых 10 человек по 2 человека (...с семьями) для похода Хулагу-хана в Иран, ... большая часть этих монгольских ополчений осталась в Иране и сопредельных областях”¹⁵.

Таким образом, в связи с перераспределением монгольского населения по территориям завоеванных стран, можно говорить о значительном масштабе переселений монгольского этноса в страны, подвластные Хулагуидам. Большой массив монгольского населения, переселившись в регион Среднего и Ближнего Востока, продолжал и дальше жить в соответствии с национальными обычаями и традициями. Покидая родные пределы, монголы вступают в чужие земли со своим культурным багажом. В новом этнокультурном окружении память о своем прошлом продолжает существовать в виде сказок, мифов, легенд и преданий, бытовавших издавна в самой широкой народной среде. В новых условиях обитания продолжают культивироваться эпические сказания, бытовавшие на прародине. Наряду с сохранением этнических традиций среды выхода наблюдается процесс динамического воздействия новой среды на жизнь и культуру переселенцев. В границах новой культурной

---

¹² B. S. P h i l l p o t t s. The Elder Edda. Cambridge, 1920, p. 207; А. Д ж. Т о й н - б и. Постигание истории. М., 2006, с.143.

¹³ А. Д ж. Т о й н б и. Указ. раб., с. 143.

¹⁴ Государство Хулагуидов образовалось в процессе распада Монгольской феодальной империи. Основано внуком Чингиз-хана Хулагу-ханом. Правители Хулагуидского государства – Хулагуиды, носили титул ильхана, т. е. хана племен (улусского хана). Наиболее видный представитель – Газан-хан.

¹⁵ И. П. П е т р у ш е в с к и й. Указ. раб., с. 29–30.

области на древний мифологический фон, просвечивающийся в эпических мотивах, напластываются новые детали и элементы, характерные для местного культурного региона. Соответственно, и эпические сказания о Чингиз-хане на новой почве получают дальнейшее развитие, вырастая в стройный ряд мотивов – эпический цикл о Чингиз-хане, зафиксированный историками Востока, в частности, Рашид-ад-Дином и Хетумом Патмичем.

Вернемся к рассказу историка Хетума о монголах и Чингиз-хане. В отношении Чингиза к кузнечному делу явно прослеживается монгольский след: Хетум в этой части повествования о великом хане безусловно следует монгольской эпической традиции. Что касается видения Чингиз-хана, то этот сюжет имеет свои аналоги в ряде трудов средневековых авторов, в частности, в мемуарах-хронике “История Людовика Святого” известного французского хрониста Жана Жуанвиля.

В середине XIII в. в ходе монгольских завоеваний правители ряда христианских государств Восточного Средиземноморья (Киликийское Армянское государство), включая государства крестоносцев (Антиохийское), делая ставку на монголов, заключили с ними соглашение. Их примеру решил последовать и Людовик IX. Он рассчитывал с помощью монголов сохранить находящуюся под угрозой уничтожения со стороны Египетского султаната Латинскую империю на Востоке¹⁶. С этой целью был организован VII крестовый поход на Восток, в котором принимал участие и Жан Жуанвиль, сопровождавший Людовика IX в его египетских военных экспедициях 1248-1254 гг. “Я, Жан, сир де Жуанвиль, сенешаль Шампаньи, рассказал о жизни нашего святого короля Луи, согласно тому, что я видел и слышал на протяжении шести лет, когда пребывал в заморских кампаниях или паломничествах”¹⁷. Здесь, в заморских восточных странах французского историка интересовала в числе других вопросов и проблема татар, их быта, происхождения, нравов, реальность существования пресвитера Иоанна. Некоторая часть информации о монгольском народе, в том числе и интересующий нас сюжет видения Чингиза с последующим его провозглашением ханом монголов, им несомненно был услышан, как он сам об этом пишет, именно на восточном континенте.

Продолжая свой рассказ о Чингиз-хане, Хетум знакомит читателя с его действиями по укреплению императорской власти. Он приказал, чтобы все исповедовали единобожие – “верили и поклонялись бессмертному Богу, волею которого он стал императором”. Далее он распорядился провести пере-

---

¹⁶ Среди миссий, посланных Людовиком IX, следует отметить миссию Андре Лонжюмо (1249 г.), выехавшего в ставку великого хана с предложением от Людовика IX принять христианство и дарами, в том числе – большим шатром, на котором были вышиты сцены жизни Иисуса Христа. Видимо, шатры считались весьма ценным подарком. Так, Жуанвиль упоминает о роскошном шелковом шатре “ценою в 500 ливров”, подаренном Людовику IX царем Хетумом.

¹⁷ Jean Sire de Joinville. Histoire de Saint-Louis. Paris, 1874, p. 19.

пись населения, способного держать оружие, и “приказал над каждым десятком назначить военачальника, над каждой тысячей – своего военачальника и над десятью тысячами – своего военачальника, и назвал он войско, состоящее из десяти тысяч воинов, ратью (Thoman)”. “Третий приказ, отданный Чингизом, – продолжает свое повествование Хетум, – был очень жесток. Он приказал семерым военачальникам привести к нему старших сыновей. И когда они исполнили это, он велел каждому отрубить голову своему сыну”¹⁸. И несмотря на кровожадность приказа, они исполнили его требования, подчинились воле “императора, избранного бессмертным Богом” и тем самым продемонстрировали покорность и верность своему императору. И тогда Чингиз приказал вооружиться и следовать за ним, покорить страны и народы.

Нельзя не заметить сходство этой части “Истории” Хетума и “Путешествия...” Плано Карпини. “Император же этих Татар, – пишет Плано Карпини, – имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам”¹⁹, – пишет Плано Карпини, и далее в главе “О разделении войск” читаем: “Чингиз-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число у них называется тьма”²⁰.

По-видимому, историк Хетум, как и Плано Карпини, касаясь полномочий хана как лица обладающего полнотой власти и выступающего распорядителем жизни своих подданных, излагают положение “Великой Ясы” – основного свода законов монгольского государства, относительно власти великого хана, установленного, по словам Вардана Вардапета, самим Чингиз-ханом (“ибо ясак, как они сами называют, был установлен Чингиз-ханом”²¹). “Великая Яса”, приписываемая Чингиз-хану, сохранилась частично – отдельные фрагменты приведены в трудах современных ему историков Рашид-ад-Дина, Вардана Вардапета, Джувейни, Магакии, а также историка Хетума. Хетум дополняет свод постановлений, обнародованный Чингиз-ханом, устрашающим рассказом об обезглавливании представителями кочевой феодальной знати по приказу Чингиза своих старших сыновей как о проявлении преданности своему императору.

¹⁸ Recueil..., с. 149 – 150.

¹⁹ П л а н о К а р п и н и, с. 45.

²⁰ Там же, с. 49.

²¹ Л. О. Б а б а я н. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969, с. 79.

Трудно судить о степени аутентичности данного рассказа. Одно несомненно: этот сюжет свидетельствует о жестокой политике, как внешней, так и внутренней, проводимой обладающим неограниченной властью предводителем варварского кочевого общества.

“После того как Чингиз-хан умно приказал выступить в поход,— пишет Хетум,— он вступил в землю тех, кто долгое время держал Татар в зависимости, он дал им бой и всех уничтожил, а земли их подчинил себе”²². Таким образом, Хетум переходит к описанию завоевательной политики Чингиз-хана, которую он начал осуществлять в первые десятилетия XIII в.

В этой связи заслуживает внимания приведенное Хетумом историческое предание о счастливом знамении в образе филина, избавившего Чингиза от пленения. Однажды Чингиз-хан, столкнувшись с неприятелем, храбро вступил с ним в бой, однако конь его упал под ним замертво. Когда его люди увидели Чингиз-хана на земле, они лишились мужества и пустились в бегство, неприятель погнался за ними и упустил из виду Чингиз-хана. Последний, воспользовавшись их отсутствием, укрылся в кустарнике, на котором расположился и герой этой легенды— пролетающий рядом филин. Завидев филина, враги татар удалились, не допуская мысли, что там может укрыться император.

“Татары возблагодарили бога и с тех пор до такой степени стали почитать птиц, название которых филины, что носили их перья на голове. Я же привел эту историю для того, чтобы был понятен смысл, почему татары носят на голове перо”²³.

Несколько иную историю встречаем в реляции путешествия современника Хетума Патмича — Монте Карвино (Монте-Кроче)²⁴. Однако в рассказе Монте Карвино фигурирует не Чингиз-хан, а его войско, погнавшееся за зайцем, скрывшемся в крепости, на стенах которой восседала сова, что послужило основанием предположить, что крепость не охраняется. Так, благодаря сове и зайцу татары стали обладателями крепости, а сова и заяц стали объектом почитания до такой степени, что “наиболее знатные татары стали носить на голове перо совы”²⁵. Монте Кроче с сожалением отмечает, что молва о том, что перья совы приносят удачу распространилась настолько, что привела к экологической катастрофе, и на всем Востоке невозможно было увидеть сову, до такой степени они все были перебиты²⁶.

Любопытно отметить, что эта история о сове (филине) — спасительнице Чингиз-хана не встречается в монгольских источниках. На это обстоятельство

²² Recueil..., с. 150.

²³ Там же, с. 151–152.

²⁴ Сюжет этот использует и Джон Мандевиль в своем “Путешествии”. J o h n M a u n d e v i l e. The Voyage and Travaille. ed. Halliwell, Londres, 1839, p. 228-339.

²⁵ Relation du voyage de frere Bieul (Ricold de Monte-Croce).— In: B a c k e r L o u i s. L'Extreme Orient au Moyen-Age. Paris, Ernest Leroux, 1877, p. 290-291.

²⁶ Там же.

во указывает Денис Синор, предпринявший вместе с Мануэлем Микелем и Эдмондом Шютцем из Будапешта первый полный перевод “La Flor des Estoires de la Terre d’Orient”²⁷.

Мотив же следующего фрагмента из жизни Чингиз-хана, на анализе которого остановимся ниже, явно присутствует в монгольской исторической традиции.

“Завоевав земли, расположенные по эту сторону горы Belgian,– продолжает свой рассказ Хетум,– снова явилось (Чингиз-хану.– Г. К.) видение в образе белого всадника, который молвил: “Чингиз-хан, воля бессмертного Бога, чтобы ты перешел гору Belgian [на запад] и завоевал царства и земли разных народов и имел над ними власть... Ступай к горе Belgian со своими людьми и когда ты придешь туда, где море соединяется с горой, поклонись коленопреклонно на Восток и попроси бессмертного Бога указать путь, по которому следует идти, и он тебе укажет дорогу”. Проснувшись Чингиз-хан велел своим людям идти к указанному месту и IX раз²⁸ поклониться, прося Бога указать дорогу”. На следующий день море отделилось от горы на IX шагов, оставив за собой широкую и прекрасную дорогу”²⁹. Итак, господь “санкционировал” Чингиз-хана на завоевание “земель и пастбищ, где он и расположился со своими людьми на долгие лета”³⁰.

Историю жизни Чингиза Хетум заключает рассказом о последних днях правления этого монгольского хана. Наиболее ранняя версия этого рассказа восходит к Эзопу. В большинстве хроник урок преподносится Алан-гоа – проматерью рода Чингиз-хана.

“Чингиз-хан вызвал к себе XII сыновей своих и велел быть сплоченными и жить в согласии. И привел им следующий пример. Он приказал каждому из сыновей принести по стреле и когда все XII стрел были собраны, приказал старшему сыну сломать стрелы, собранные в пучок. И тот не смог их сломать руками. Затем он дал их второму сыну, затем третьему и остальным по очереди, но никто не смог сломать их. Тогда приказал Чингиз-хан разобрать стрелы и приказал самому младшему, чтобы тот взял по одной стреле и сло-

²⁷ D e n i s S i n o r. Le reel et l’Imaginaire dans la description des Mongols dans la “Flor des Estoires de la Terre d’Orient” de Hayton. - In.: Les Lusignans et l’oultre mer. Actes du Colloque. Poitiers-Lusignan 20–24 octobre 1993, p. 279.

²⁸ Число девять – трехкратное повторение триады, наиболее употребительное число в монгольской мифологической культуре. На сакральное значение этого числа у монголов указывает и Хетум. “Татары с благоговением относятся к числу IX,– пишет он,– (они) IX раз поклонились горе и на IX шагов океан отошел от земли и образовалась дорога в IX шагов и перешли (они) по велению Господа гору Belgian, вот почему число IX у Татар в почете”. В этой связи он рекомендует : “Поднося дары владыке, необходимо, чтобы они были в количестве IX, если вы желаете, чтобы подарок был милостиво принят владыкой татар и это принято у татар по сей день” (Recueil..., p. 155).

²⁹ Recueil..., p. 153.

³⁰ Там же.

мал бы до последней и сын с легкостью сломал все XII стрел. Тогда Чингиз-хан обратился к сыновьям и сказал им: “Почему вы не смогли сломать стрелы, которые я дал вам?” И они ответили: “Поскольку они были сложены вместе в единый пучок”. “Так почему же их смог сломать маленький ребенок?” И они ответили: “Так как он их разобрал по одной”. И тогда Чингиз-хан молвил: “Так будет и с вами: пока вы будете едины и дружны – ваше государство будет вечным, в случае вашего раскола и разлада – ваше государство будет уничтожено. Множество других добрых наказов дал Чингиз-хан своим детям и народу, которые татары сохранили и почитают”³¹.

Тема призыва Чингиз-хана к единению отмечена и Рашид-ад-Дином: “Чингиз-хан вместе с сыновьями сел для тайного совещания. После многочисленных увещаний и наставлений он сказал: будьте единого мнения и единодушны в отражении врагов и возвышении друзей... Отныне вы не должны переиначивать моего веления (Йаса)”³².

В труде “Алтан тобчи” приводится речь Чингиз-хана, которая заключает в себе смысл, аналогичный смыслу, приводимому Хетумом в своей истории:

“Вы, войска мои, подобные стремглав бросающимся стадам,
Вы, подобные алмазу, украшению лунообразной шапки,
Вы, подобные в груди сложенным камням,
Вы, сильные и мужественные, друзья мои,
Вы, камыши, выросшие один подле другого,
Вы, подобные окружающей ограде,
Вы, подвластные мне войска,
Слушайте ...”³³

Возникает вопрос: каким путем дошли до Хетума истории о завете Чингиз-хана? Не исключено, что Хетум мог воспользоваться этими преданиями в их устной передаче, то есть услышать их от сказителей как в своем регионе, так и в соседних странах. Так, Денис Синор склонен считать, что версия, преподнесенная Хетумом, сложилась при посредстве персидских источников. К сожалению, ученый не приводит никаких доказательств в пользу выдвинутой гипотезы. Еще больше сбивает с толку тот факт, что наиболее ранняя версия этого сюжета принадлежит перу Эзопа. Да и европейские путешественники, в частности, Монте Кроче зафиксировали это предание, правда в несколько иной интерпретации. “Когда Татары перешли гору, они собрались, дабы посоветоваться, как завоевать весь мир”, – пишет Монте Кроче. Таким образом, советы даны Чингиз-ханом не перед смертью, а в связи с захва-

³¹ В латинском тексте “Истории” Хетума следуют следующие дополнения: “(наказы) на их языке называются Ясой (Jassa, Jassac) Чингиз-хана, то есть, законами Чингиз-хана” (там же, с. 154).

³² Р а ш и д - а д - Д и н, с. 232.

³³ Алтан тобчи, “Золотое сокращение”, “Монгольская хроника” с приложением истории об Убаши-Хунтайджия, пер. ламы Галсан Гомбоева. М., 1940, с. 14.

том земель, и не своим сыновьям, а всему народу: “В первую очередь (для достижения успеха) вы должны повиноваться своим правителям и жить в согласии и мире между собой”³⁴ – наказывает Чингиз-хан. Далее следует сюжет, аналогичный сюжету, использованному Хетумом, с той лишь разницей, что в нем фигурируют не 12 сыновей Чингиз-хана, а его армия, количество же стрел, соответственно, не 12, как у Хетума, а 100. Заключает Монте Кроче свой рассказ словами, сходными с текстом Хетума.

В более позднюю эпоху, в начале XV в., другой европейский путешественник Руи Гонсалес де Клавихо в своих путевых заметках “Дневник путешествия в Самарканд”, рассказывающих о путешествии испанского посольства в Самарканд, ко двору Тимура в 1403–1406 гг. , в связи с завоеваниями татар пишет: “Причина, по которой эти татары пришли в эту землю и назвались чакатаями, следующая: в давние времена был в Тарталии император родом из татарского города Дорганчо³⁵, что означает Сокровище мира. [Этот император] владел обширной землей, которую завоевал, а подойдя к концу [дней своих], оставил четырех сыновей, которых звали: одного – Габуй, другого – Чакатай, третьего – Есбек и четвертого – Чаркас . Все они были детьми одной матери. Перед смертью отец разделил свои владения и дал каждому его часть, а сыну, которого звали Чакатай, выделил эту империю Самарканте и еще другую землю. И завещал всем своим сыновьям [жить в дружбе] и не ссориться [говоря], что пусть они знают, что в тот день, как возникнет [вражда] между ними, они погибнут”.

В рассказе Клавихо легендарное далекое прошлое становится прелюдией к современности. Испанский путешественник делает попытку осмыслить настоящее в историческом контексте. К сожалению, сыновья не последовали советам отца: “братья стали завидовать друг другу, потом пошли распри, и стали они воевать один с другим. Когда [жители] земли Самаркандской узнали об этих распрах, они восстали и убили [Чакатая] и многих его людей и поставили императором одного из своего племени”³⁶.

Сопоставляя различные версии одного и того же сюжета, заключенного в трудах различных авторов, можно выделить общий центральный мотив – советы, данные Чингиз-ханом относительно единения, как залога национального успеха, которые отражают положение кодекса законов и распоряжений приписываемой Чингиз-хану³⁷ – “Ясы”, о которой упоминает и историк Хетум. Этот чингизхановский завет выступает основополагающим сюжетным

³⁴ Relation du voyage de frere Bieul..., с. 292.

³⁵ Речь идет о Чингиз-хане.

³⁶ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990, с.105-106.

³⁷ Г. В. Вернадский, изучив сохранившиеся отрывки “Ясы”, считает что Чингиз-хан хотел создать новую по отношению к обычному праву систему законов, в которых видна императорская концепция государства. См.: П л а н о К а р п и н и, с. 205-206.

звеном, на которое наслаиваются и к которому прикрепляются другие мотивы. Именно такое складывание сюжета наблюдается в рассказе Хетума и Монте Кроче. На центральный мотив – чингизхановскую заповедь–напастывается мотив “единения” на примере образного сравнения с пучком стрел. Таким образом, два самостоятельных сюжета, восходящих к двум различным источникам – “Ясе”³⁸ и эзоповской притче³⁹ – как бы нанизываются один на другой и, дополняя друг друга, предстают в виде нового органичного целого, что позволяет говорить о новой версии сюжета. Именно эта версия и усматривается у Хетума и Монте Кроче.

Это дает основание сделать следующие предположения: или они заимствовали сюжет друг у друга, или же этот сюжет циркулировал в определенном регионе, где и был зарегистрирован ими независимо друг от друга.

Завершая свой рассказ о жизни первого императора монголов Чингиз-хане, Хетум отмечает, что прежде чем уйти в мир иной, Чингиз назначил своим преемником Оготая (у Хетума – *Ostota*). Итак, стройный, хронологически выдержанный ряд мотивов, представленный Хетумом как течение жизни героя, созданной на основе отдельных легенд, сказаний, преданий и вплетенный в исторический контекст повествования, дает основание предположить, что мы имеем дело со своеобразным эпическим циклом.

Жизнь и “деяния” Чингиз-хана были овеяны многими легендами. Они дошли до нас в основном через “Сокровенное сказание” – монгольскую хронику XIII в., через летописи иранского историографа при дворе Хулагуидов Рашид-ад-Дина (XIV в.), европейских путешественников Платона Карпини, Гийома Рубрука, Марко Поло и других, китайских и армянских историков, включая и Хетума Патмича⁴⁰. Образцы монгольского мифотворчества, связанные с именем Чингиз-хана, имеют широкую географию обитания: они рассеяны по многочисленным странам, на которые простиралась власть монголов и среди многих народов, сохранивших отдельные фрагменты утерянного монголами фольклорного творчества.

---

³⁸ Помимо “Ясы” у монголов были популярны изречения ханов – билики. Билики Чингиз-хана были предметом преподавания. Некоторые из биликов приведены Рашид-ад-Дином в приложении к его книге. См.: Р а ш и д - а д - Д и н, с. 259-265.

³⁹ Рассказ Хетума восходит к следующим эзоповским притчам. *Бык и лев*. Если хочешь жить в безопасности, то врагам не доверяй, а друзьям верь и заботься о них. Трое быков всегда паслись вместе. Льву хотелось их съесть, но из-за их единодушия это не удавалось. Тогда коварными наговорами он их перессорил. И когда они стали пастись по-одиночке он стал нападать на них по очереди и так сожрал всех. *Три быка и лев*. Басня про быков, которая учит единодушию. Три быка паслись вместе, а лев ходил за ними следом, чтобы на них напасть. Пока быки жили дружно, справиться с ними он не мог, и поэтому решил разлучить их и затем одолеть. Перессорил он их и восстановил друг на друга, и когда разошлись они в разные стороны, то лев без труда одолел порознь тех, кого не в силах был одолеть вместе. Так единодушие спасает единодушных (Басни Эзопа. Литературные памятники. М., 1968, с. 148, 167).

⁴⁰ С. Ю. Н е к л ю д о в. Указ. раб., с. 171.

Таким образом, эпический цикл о Чингиз-хане – это своеобразный симбиоз мифотворчества, не только монгольского народа, но, отчасти и народов, населявших монгольскую империю, включая и армян. При этом образцы монгольского эпоса, сложившегося вокруг имени Чингиз-хана, предстают частично в первозданном виде, частично – в трансформированном. В отдельных случаях они являются продуктом местного, локального эпического творчества.

Историк Хетум, регистрируя имеющие широкое хождение на Востоке предания, выступает и как собиратель “монгольской старины”, и как культурный посредник и передатчик фольклорного материала по монголам. Возникает вопрос, какими путями дошли до армянского историка предания о первом монгольском хане, царствование которого приходило на эпоху столетней давности? Это либо письменные источники, как он сам отмечает “истории татар”, которые он использовал при написании истории монголов, начиная от Чингиз-хана⁴¹, либо устные. Последние распространялись посредством творчества киликийских сказителей, поскольку эпические “деяния” были рассчитаны не на чтение, а скорее создавались для декламации или распевания.

Не исключено, что приобщение к монгольской эпической тематике происходило через театральные зрелищные представления профессиональных исполнителей. Переходя из города в город, из замка в замок, с одной рыночной площади на другую, эти исполнители-сказители песен, пересказывая материал из сказаний и легенд, пользуясь при этом всеми средствами синкретического искусства⁴²: декламацией вперемежку с песнями, танцами, мимикой, приобщали народ к мифологическим и историческим преданиям. Некоторые западно-европейские путешественники, а также участники крестовых походов стали очевидцами выступлений этих театральных гусанских ансамблей. Так, Вильбранд Ольденбургский, посетивший Киликию в 1212 г., в своих сообщениях отмечает, что эти представления сопровождались “звуками труб и других музыкальных инструментов” (“clamore bucinarum, et aliorum instrumentorum musicorum”)⁴³. Свидетелем выступлений одной из таких гусанских групп был участник VII крестового похода, историк Жан Жуанвиль⁴⁴.

⁴¹ Recueil..., с. 213.

⁴² Об этом упоминается во всех исследованиях по истории армянского театра. См.: *Գ. Լ. և Ն. Ն. Ն. Թատրոնը հին Հայաստանում, Երևան, 1941, էջ 25-41*, Г. Г о я н. 2000 лет армянскому театру. Т. 1, М., 1952, с. 207-217; *Հ. Հ. Ն. Վ. և Ն. Ն. Ն. Թատրոնը միջին դարերի Հայաստանում, Երևան, 1978, էջ 107-109*, Г. В. О р д о я н. Театр в Киликийской Армении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Ереван, 1985, с.156; Н. К. Т а г м и з я н. Традиция и современность. Ереван, 1996.

⁴³ Г. В. О р д о я н. Указ. раб., с. 86.

⁴⁴ Jean Sire de Joinville. Указ. раб., с. 286-288.

Невольно возникает вопрос, а не пополняется ли хетумовский эпический цикл о Чингиз-хане сюжетами, заимствованными из театрально-зрелищных представлений заезжих комедиантов? Не исключено, что в репертуар этих трупп были включены весьма популярные сюжеты о монголах и Чингиз-хане, циркулирующие в историко-географических рамках государства Хулагуидов, при этом сюжеты эти подвергались более или менее творческой трансформации, соответственно специфике общественного и культурного развития каждой отдельной национальной среды.

Истории о Чингиз-хане, преподнесенные Хетумом в третьей книге “Flor...” как по методу освоения исторического материала, так и по уровню историзма, отличаются от историй, поведанных историком о других ханах, пришедших к власти после смерти Чингиза. Рассказ о Чингиз-хане выделяется повышенным вниманием автора к мифологическим сюжетам. Повествование о его преемниках представляет скорее фактологическое описание исторических событий “по правлениям”. В любом случае, независимо от способов получения Хетумом информации об основателе первого в истории монгольского государства, историографический метод, использованный им при написании “деяний” Чингиз-хана можно назвать иллюстративно сценическим.

При написании “Татарской хроники” – третьей части “Flor...”, Хетум Поль зовался следующими источниками: от Чингиз-хана до Мангу-хана – историями татар; от Мангу-хана до смерти Хулагу – рассказами дяди, Хетума I; от Абага-хана до конца книги – на основе собственных наблюдений. По всей видимости, характер источников и предопределил характер использованного материала, методы его преподнесения и принципы его организации.

Не следует забывать и то обстоятельство, что монгольский народ принадлежит к народам с выраженной архаической культурой, у которых отсутствие исторических текстов восполняется мифологическими источниками. Описывая историю царствований монгольских ханов, Хетум заполняет временную лакуну (это в первую очередь относится к эпохе Чингиз-хана) мифологическим материалом. По мере приближения повествования к эпохе, свидетелем и участником событий которых был он сам, изменяется соотношение между мифическим и историческим, намечается максимальное удаление от сферы мифа и приближение к историческим реалиям. Однако было бы преувеличением говорить об отсутствии мифа в этих пассажах “Истории”, просто фольклорный материал перестает играть определяющую роль в общей концепции и становится элементом стиля. Одним словом, “мифологизированное” повествование о Чингиз-хане переходит по мере приближения к эпохе Хетума в “историзированное” повествование о других монгольских правителях.

ՉԻՆԳԻԶ ԽԱՆԻ ՄԱՍԻՆ ՎԻՊԱՇԱՐԸ ՀԵԹՈՒՄ ՊԱՏՄԻՉԻ ԵՐԿՈՒՄ

ԳՈՀԱՐ ԿԱՐԱԳՅՈԶՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ու մ

Հեթում Պատմիչի կողմից «La Flor des Estoires de la Terre d'Orient» երկում ներկայացված Չինգիզ խանի մոտիվների ժամանակագրական շարքը՝ որպես առանձին առասպելների, պատմագրույցների, ավանդությունների հիման վրա ստեղծված և պատումի պատմական համատեքստում հյուսված հերոսի կյանքի ընթացք, հիմք է տալիս ենթադրելու, որ մենք գործ ունենք յուրահատուկ վիպաշարի հետ: Չինգիզ խանի մասին վիպաշարը ոչ միայն մոնղոլ ժողովրդի, այլև մոնղոլական կայսրությունում ապրող ժողովուրդների, այդ թվում հայերի, առասպելաստեղծման յուրովի համադրություն է: Ընդ որում, Չինգիզ խանի անվան շուրջ ստեղծված մոնղոլական էպոսի նմուշները ներկայանում են մասամբ սկզբնական, մասամբ՝ ձևափոխված տեսքով: Առանձին դեպքերում դրանք տեղային առասպելաստեղծման արգասիք են: Հեթում Պատմիչը, գրանցելով Արևելքում լայն տարածում ստացած գրույցները, ներկայանում է մի կողմից որպես օմոնոլոլական հնության օ հավաքող, մյուս կողմից՝ մշակութային միջնորդ և բանահյուսական նյութի հաղորդող: Հեթումի կողմից «La Flor...»-ի երրորդ գրքում ներկայացված Չինգիզ խանի մասին պատմությունները ինչպես պատմական նյութի յուրացման մեթոդով, այնպես էլ պատմականության մակարդակով տարբերվում են Չինգիզ խանի մահից հետո իշխանության եկած այլ խաների վերաբերյալ պատմություններից: Նրա հետնորդների մասին պատումը ավելի շուտ պատմական իրադարձությունների և տիրակալության փաստագրական նկարագրություն է:

EPIC CYCLE ABOUT CHINGGIS KHAN IN HETUM PATMICH'S WORK

GOHAR KARAGYOZIAN

S u m m a r y

The chronologically tested series of motives about Chinggis Khan, narrated by Hetum Patmich in «La Flor des Estoires de la Terre d'Orient» as the course of life of the hero, composed from separate legends, tales, stories and intertwined within the historical context of the narration, give grounds to presume that we are dealing with a singular epic cycle. The epic cycle about Chinggis Khan constitutes a unique symbiosis of mythological works not only of the Mongol people but also of the peoples inhabiting the Mongol Empire, including the Armenians. Moreover, the patterns of the Mongol epos composed around the name of Chinggis Khan, appear partly in the primordial and partly in a transformed form. In individual cases, they originate from the local mythology. The historian Hetum, who recorded the legends widely spread in the East, is notable as a collector of «Mongol antiquities» and cultural mediator of the Mongol folklore. The story of Chinggis Khan narrated by Hetum in the third book of «La Flor ...» varies from the stories narrated by the same historian about different khans coming into power after the death of Chinggis. The narrative about Chinggis Khan stands out for the mythological plots being the focus of the author's attention. The narrative about his successors is rather a factual account of historical events «by regencies.»